

державі. Як зазначав у цьому зв'язку один із сучасників непу економіст-емігрант І. Кон: "В таких условиях, когда специально против частного капитала как конкурента государства на экономическом поприще направляется целый арсенал средств – от тягчайших налогов и сборов до отказа в кредите, в отпуске товаров, в перевозке грузов, – тогда на работу в качестве частных торговцев и промышленников могут идти, казалось бы, только особо авантюристские элементы, причём нажившись, тут же нажитое богатство и проматывать, ибо копить его на предмет конфискации тем или иным порядком – бессмысленно" [8, с. 100]. Хоча далеко не завжди ці протестні дії, цей супротив мав позитивні наслідки, але він примушував владу на певний час зменшувати адміністративний та економічний тиск на підприємців.

На процесі відродження інституту приватного підприємництва та нової буржуазії надзвичайно негативно відбилися наслідки соціальної трансформації суспільства за роки революції та воєнного комунізму. В нових, порівняно з дореволюційними, соціокультурних умовах радянської держави відбулася депрофесіоналізація та маргіналізація верстви підприємців, як наслідок розриву з дореволюційними традиціями та культурними нормами вітчизняного підприємництва. Характерними рисами нової буржуазії були її аномічність та соціальний егоїзм з притаманними проявами девіантної поведінки та нерідко деструктивної мотивації діяльності. Намагаючись вижити у несприятливому соціальному середовищі, представники нової буржуазії перманентно були змушені вдаватися до різних форм підкупу радянських чиновників. Одночасно підприємці чинили різноманітний за формами спротив класовій політиці щодо приватного сектору. Цей, здебільшого пасивний, спротив підприємців дещо пом'якшував, хоча далеко не завжди, тиск держави на приватногосподарський сектор і сприяв певному подовженню існування його представників.

Примітки

1. *Вісті ВУЦВК*.
2. *Волосник Ю. П.* Зародження нової буржуазії та розвиток приватнопідприємницької діяльності в Україні в 1920-ті – на початку 1930-х років: Дис. доктора іст. наук / Ю. П. Волосник. – Х., 2004.
3. *Державний архів Харківської області*.
4. *Известия ВЦИК*. – 1922. – 30 сент.
5. *Квинг Э. И.* Избранные речи и статьи / Э. И. Квинг – К., 1988.
6. *Кейнс Дж. М.* Из России с надеждой / Дж. М. Кейнс // Новое время. – 1990. – № 33.
7. *Коммунист*. – 1922. – 2 июля.
8. *Кон И.* Опыт советской национализации / И. Кон, А. Югов // НЭП: Взгляд со стороны. – М., 1991.

9. *Кондурушкин И. С.* Частный капитал перед советским судом / И. С. Кондурушкин. – М.; Л., 1927.
10. *Крон Ц.* Частная торговля в СССР / Ц. Крон. – М., 1926.
11. *Ленін В. І.* Повне зібрання творів / В. І. Ленін. – К., 1974. – Т. 44.
12. *Меркис.* Как нэпманы используют нэп / Меркис // Известия рабочей-крестьянской инспекции. – М., 1923. – № 6-7.
13. *Орлов И. Б.* «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни / Б. И. Орлов, С. А. Пахомов. – М., 2007.
14. *Пролетарська правда*. – 1927. – 8 січня.
15. *Російський державний архів соціально-політичної історії*.
16. Суд и преступность на Украине в 1921–1922 г. // Статистика Украины. – Х., 1923. – № 29.
17. *Сушко О. О.* Непманы: соціально-історичний тип приватних підприємців в УСРР (1921–1929) / О. О. Сушко – К., 2003.
18. *Трифонов И. Я.* Классы и классовая борьба в начале НЭПа (1921–1925) / И. Я. Трифонов. – Л., 1969. – Ч. 2.
19. *Финансовый вестник*. – 1922. – № 3-4.
20. *Центральный державний архів вищих органів влади України*.
21. *Экономическая жизнь*. – 1922. – 22 июля.

УДК 944/9

Уровень потребления спиртных напитков рабочими Поволжья в период нэпа

Камардин И. Н.

Камардин И. Н. Уровень потребления спиртных напитков рабочими Поволжья в период нэпа. В статье рассматривается повседневная жизнь рабочих, связанная с употреблением алкоголя. Автор приходит к выводу, что пьянство в рабочей среде стало традиционным элементом рабочего досуга. Рабочие оказались наиболее пьющей группой городского населения, что, несомненно, несло огромные убытки на производстве за счет пьяных прогулов, брака, производственного травматизма.
Ключевые слова: алкоголь, рабочие, пьянство, производство, нарушение трудовой дисциплины, движение за трезвость, города Поволжья.

© Камардин И. Н.

Камардін І. М. Рівень споживання спиртних напоїв робочим Поволжя в період непу. У статті розглядається повсякденне життя робітників, пов'язана зживанням алкоголю. Автор приходить до висновку, що пияцтво в робочому середовищі стало традиційним елементом робочого дозвілля. Робітники виявилися найбільш питущою групою міського населення, що, безсумнівно, несло величезні збитки на виробництві за рахунок п'яних прогулів, шлюбу, виробничого травматизму.

Ключові слова: алкоголь, робочі, пияцтво, виробництво, порушення трудової дисципліни, рух за тверезість, міста Поволжя.

Kamardin I. N. Level of Alcohol Consumption Volga Workers During Nep. The article deals with the daily lives of workers addicted to alcohol. The author comes to the conclusion that alcoholism among workers became an integral part of spending free time. Workers became the most addicted to alcohol group of the urban population, which undoubtedly incurred enormous losses in the production process due to drunken truancy, defective goods, on-the-job injury rate.

The keywords: alcohol, workers, drinking, free time, production, violation of labor discipline, movement for sobriety, town of the Volga region

Употребление спиртных напитков всегда составляло неотъемлемую часть культурно-антропологического процесса. В период нэпа существовал целый спектр отрицательных черт, определенным образом обуславливавших ход повседневной жизни. В это время жизнь населения проходила на фоне грандиозных и драматичных событий, переживаемых государством в целом. Ситуация, в которой находились обыватели, явилась прямым следствием разразившейся мировой войны, затем вспыхнувшей революции, последовавшей за ней гражданской междоусобицы и введением рыночных отношений в экономику страны.

После окончания гражданской войны в среде фабрично-заводских рабочих стали возрождаться обычаи бытового пьянства: традиция «первой полочки», с которой необходимо было напиться коллег по работе, «обмывание нового сверла» и т.д. Возобновилась традиция походов в гости. В гости ходили по праздничным дням. Выходными днями по-прежнему считались 12 религиозных праздников. Активно стали отмечаться и новые советские праздники: 7 ноября, 1 мая и т.д. Культура проведения торжеств была одинаковой: приготовление праздничной еды, прием или посещение гостей. Походы в гости, по данным С. Г. Струмилина, в 1913–1924 гг. являлись самой распространенной формой проведения досуга всех слоев городского населения России. Как правило, они сопровождались употреблением алкоголя. Согласно официальным данным, взрослые рабочие в начале 1920-х г. тратили на спиртное 4% своего дохода [22, с. 28]. В промышленности процент пьющих рабочих в среднем равнялся 90% и, как отмечала, И. Такала:

«пьянство ежедневное, хроническое, то, которое население считает вполне допустимым, растет быстрее, чем пьянка по случаю» [31, с. 178].

В первой половине 20-х годов в условиях запрета водки, самогон занял ведущее место среди спиртных напитков потребляемых рабочими. Это подтверждают данные статистики. В Пензе в 1922 г. милицией было раскрыто 280 точек по производству самогона, в 1923 г. – 591, а 1924 г. – 594 [4, л. 77]. В Астрахани за 1923 год милицией составлено 6917 самогонных протоколов (из которых за распитие самогона – 67% дел, за варку самогона – 24%, за торговлю – 5 %, за хранение – 4%) [18]. Согласно данным пензенского историка С. Е. Панина, анализ «Индивидуальных карт по обследованию здоровья рабочих и лиц, живущих в общежитиях» за 1924 г. показал, в 90% случаев самым популярным напитком рабочих г. Пензы являлся самогон [25, л. 44].

В Нижегородской губернии в 1923 г. за изготовление и сбыт спиртосодержащих веществ было привлечено 5523 человека, на следующий год эта цифра поднялась до 9880 случаев [30, с. 94, 176]. В Саратовской губернии за первую половину 1925 г. выявлено 5745 случаев самогонноварения [37]. Следует обратить внимание, что после начала продажи водки в розничной торговли число случаев привлеченных за самогонноварение резко падает. Так в Нижегородской губернии эти данные опустились в 1925 г. до 1800 случаев, а в 1926 г. до 599 [30, с. 94].

Явления массового пьянства в рабочей среде были характерны для большинства предприятий исследуемого региона. Так, начальник артели на Самарском лесопильном заводе «Волго-Каспий-Лес» Ельцов варил самогон и спаивал рабочих до потери сознания [14].

В 1924 г. в Астрахани в неделю масленицы (с 4-9 марта) прошла облава: в 12 столовых и ресторанах было обнаружено 159 бутылок без патентного пива и около 30 литров самогона, у частных лиц конфисковано 18 самогонных аппаратов и около 150 литров произведенного самогона [20]. В Нижегородской губернии за 1924 г. за сбыт и хранение спиртных напитков, спиртосодержащих веществ было осуждено 9880 человек [29, с. 96-97.].

Советские и партийные органы в это время были чрезвычайно озабочены пьянством рабочих. Пензенский горрайженотдел в январе 1924г. поставил вопрос о хроническом пьянстве в семьях рабочих. На заседании отмечалось, что никаких улучшений ситуации не происходит, а жены стали панически бояться своих мужей [24, л. 1]. Газета «Трудовая правда» свидетельствовала о том, что рабочий Лесозавода № 11 вздумал отпраздновать Рождество 1925 года. Зашел в шинок и за отсутствием денег начал закладывать одежду. Заложил френч, потом бекешу, а дальше ... и брюки. Идти из шинка оказалось не в чем. Жена обратилась к милиционеру за помощью и он выручил рабочему бекешу, но под расписку, что рабочий уплатит за выпивку [33].

«Рыковка» появилась осенью 1925 г. после принятия декрета СНК СССР от 28.VIII.1925 г., по которому разрешалось продавать водку в органах госторговли. Ситуация усугублялась еще и тем, что винно-водочные изделия, продававшиеся населению, приносили государству немалый доход, который затем шел на нужды индустриализации. В середине 1920-х г. наблюдалось массовое явление – посещение рабочими, в особенности в праздничные дни, различных пивных и бильярдных. Характернее всего было то, что с разрешением продажи алкогольных напитков у магазинов зачастую можно наблюдать целые очереди рабочих.

Пьянство рабочих стало вообще жестоким бичом для администрации предприятия: рабочие пили не только в нерабочее время, но и прямо у станков. Доходило до того, что из-за пьянства рабочих останавливались предприятия. Вот некоторые выдержки из информсводок ОГПУ за 1926 г. В Сталинграде на заводе «Баррикады» употребление спиртных напитков отмечается не только среди рабочих, но и мастеровых. В Самаре рабочие частенько во время пьянки пропивали выданную спецодежду [28, л. 140]. На писчебумажной ф-ке «Маяк революции» в г. Пензе пьянство охватило всех трудящихся завода, встретить трезвого стало большой редкостью [34]. На суконной фабрике «Творец Рабочий» поголовное пьянство рабочих с 14-15 лет». «Повальное пьянство на стеклозаводе № 1 «Красный Гигант», и т.д. [6, л. 551, 740]. На фабрике «Саратовская мануфактура» отмечалось сильное пьянство рабочих. В помещении кооператива рабочие и служащие устроили встречу нового года, пьянство, пляски шли всю ночь. Прибывшая милиция прекратила празднование. Ни один день отдыха не обходиться без пьянства [37, л. 28].

Потребление алкоголя рабочими с 1924 по 1928 гг. увеличилось в 8 раз. По материалам обследования, в 1927 г. в крупных городах Европейской части РСФСР расходы на пиво и вино только у молодых рабочих составляли 16-17% заработка, что в полтора раза превышало затраты на книги [21, с. 7-8]. Так, например, в 1924 г. рабочие Ульяновска на пищу тратили 26,6 руб. ежемесячно и 5,75 руб. на выпивку (т.е. в 4,6 раза меньше), в то же время американские рабочие на выпивку тратили в 6,2 раза меньше, чем на питание [27]. На Ерманских лесозаводах часть рабочих на алкоголь тратили до 70-80% заработной платы [2, л. 136].

Наиболее активно употребляли спиртные напитки рабочие, выходцы из деревни 1900–1908 годов рождения. Пьянство среди рабочих вело к снижению производительности труда и нарушению трудовой дисциплины. Пьянство порождали многие социально-экономические причины, среди которых следует отметить безработицу и беспризорность в городах, вовлечение в производство выходцев из деревни, тяжёлые жилищные условия. Положение усугублялось также неудовлетворительной

культурно-воспитательной работой государственных органов, снисходительным отношением к пьянству молодежи со стороны взрослых, неумением комсомола организовать досуг молодёжи. Этому способствовали и разговоры о том, что «раз государство разрешает продажу вина, то какая может быть борьба?» [36, л. 34].

В марте 1927 г. Совнарком РСФСР издает постановление «О мерах ограничения продажи спиртных напитков». Этим постановлением была запрещена продажа спиртных напитков малолетним и лицам, находящимся в состоянии опьянения; продажа алкоголя в культурно-просветительских учреждениях и организациях, а главное – вводилось право местного запрета на водку. В городах Поволжья стали закрывать места продажи крепких напитков, расположенные вблизи заводов, фабрик и жилищ рабочих. Отмеченной мерой достигались некоторые положительные результаты, поскольку она применялась к местам распивочной продажи напитков. Из подобных мест торговля производилась обыкновенно значительно дольше, чем из прочих торговых зданий, в том числе из заведений для выносной торговли спиртными напитками. Поэтому употреблявший крепкие напитки рабочий, вернувшись с завода или фабрики, имел возможность в течение нескольких часов приобретать эти напитки в заведениях для распивочной торговли [18]. В Астрахани в 1928 г. в пятом районе, на углу улиц Суханова и Степнова, в магазине «Мукзани» в воскресные дни была распространена торговля спиртными напитками с черного хода. Рабочие, купив спиртное, садились на тротуаре около магазина и распивали приобретенные напитки [11].

Параллельно с административными мерами с 1928 г. резко активизировалось и трезвенническое движение. В 1924 г. по инициативе врачей, в разных районах страны стали создаваться на общественных началах «группы по борьбе с наркотизмом», которые затем выросли в общественные комиссии по оздоровлению труда и быта. Члены этих комиссий организовывали «показательные суды» над алкоголиками, проводили вечера, с обязательным докладом в программе и «живой газетой» местного коллектива самодеятельности. Но это не были массовые общественные организации, «государственным делом» трезвенническое движение становится лишь после XV съезда ВКП(б) [31, с. 157].

16 февраля 1928 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, на собрании «энтузиастов противоалкогольной борьбы» было создано «Общество по борьбе с алкоголизмом» (ОБСА). Учредителями его стали советские, партийные, комсомольские работники, представители Наркомздрава, Мосздравотдела, Наркомторга, ученые. Целью общества была «помощь Советской власти в развитии культуры быта и борьбе с алкоголизмом как социальным злом».

Несмотря на усилия руководителей ОБСА, трезвенническое движение не стало массовым, численность общества к 1929 г. достигла лишь 250

тыс. членов. Главным образом, это были рабочие с большим производственным стажем, молодежи в обществе было мало. Аскетические лозунги («Алкоголизм и социализм не совместимы!», «Изгоняй, кто поит, выгоняй, кто пьет!», «Даешь получку без вина!» и т.д.), как и конечная цель движения – борьба не со злоупотреблением, а вообще с употреблением, то есть борьба за трезвость, не могли привлечь много сторонников. Ценности «продвинутых» рабочих были далеки абсолютному большинству российских мужчин, которые продолжали пить и считали это правильным. Да и с точки зрения властей радикализм лидеров трезвеннического движения вскоре стал серьезной помехой на пути к большому скачку в индустриализации и построении социализма.

Рост пьянства вызвал недовольство у близких. Жёны пьющих мужчин требовали немедленного прекращения торговли винно-водочными изделиями. В дни полочки на проходных заводов и фабрик собирались женщины, чтобы встретить своих мужей, так как многие зарплату до дома не доносили [9]. В городе Троицке перед каждой получкой жёны встречали своих мужей с целью забрать у них хотя бы часть зарплаты, а то всё будет пропито [37, л. 35].

Алкоголизм стал проблемой всего населения страны, так как в той или иной степени каждый гражданин соприкасался с этой бедой. Рост пьянства заставил президиум Ленсовета принять в октябре 1926 г. решение об организации первых в СССР вытрезвителей. В городах Поволжья вскоре тоже появились вытрезвители [35, л. 34]. В сентябре 1928 г. в Самаре было введено лечение алкоголиков ультрафиолетовыми лучами [23, с. 41].

ЦК ВЛКСМ призвал комсомольцев вовлекать в работу детей и пионеров. Так, весьма целесообразным считалось устройство детских демонстраций ко дню полочки или обход рабочих квартир под лозунгом: «Мы против пьяных отцов» [28]. В Сталинграде 14 октября 1928 г. состоялась детская демонстрация протеста против пьянства с плакатами: «Долой пьянство!», «Каждая бутылка вина стоит 2-3 школьных учебника!», «Родители! Бросьте пьянство, организуйте в школах горячие завтраки», «Взрослый, помоги ребёнку быть здоровым!» [32, с. 10]. В Сталинграде 27 ноября 1928 г. в демонстрации приняло участие 12 тыс. пионеров и детворы [40, с. 12]. Над колонами ребят пестрели полотнища с лозунгами: «Требуем закрыть все пивные», «Отец, вместо бутылки вина, купи книжку».

Таким образом, пьянство в рабочей среде стало традиционным элементом рабочего досуга. Рабочие оказались наиболее пьющей группой городского населения. Без сомнения усиливались конфликты в семьях, а также, в следствие пьянства отцов - основных кормильцев, ухудшилось материальное положение семей рабочих. Огромные убытки несло производство за счет пьяных прогулов, брака, производственного травматизма.

Примечания

1. ГАВО. – Ф. Р. 2. – Оп.2. – Д. 110.
2. ГАВО. – Ф. Р. 37. – Оп.2. – Д. 134.
3. ГАВО. – Ф. Р. 37. – Оп.2. – Д. 153.
4. ГАПО. – Ф. Р. 2. – Оп.1. – Д. 2494.
5. ГАПО. – Ф. Р. 2. – Оп.4. – Д. 223.
6. ГАПО. – Ф. Р. 2. – Оп.4. – Д. 224.
7. ГАПО. – Ф. Р. 342. – Оп.1. – Д. 216.
8. ГАПО. – Ф. Р. 36. – Оп.1. – Д. 93.
9. Голос молодежи. 1925. – 20 мая.
10. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А. К. Соколов. – М., 1998.
11. Коммуна – 1928. – 12 сентября.
12. Коммуна – 1928. – 20 сентября.
13. Коммуна. – 1923. – 27 июня.
14. Коммуна. – 1925. – 3 апреля.
15. Коммуна. – 1925. – 15 октября.
16. Коммунист – 1928. – 17 марта.
17. Коммунист. – 1924. – 12 июля.
18. Коммунист. – 1924. – 12 марта.
19. Ларин А. Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним / А. Ларин. – М., 1929.
20. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы / Н. Б. Лебина. – СПб., 1999. – 318 с.
21. Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского народа 20-30-х гг. / Н. Б. Лебина // Вопросы истории. – 1994. – № 2. – С. 45-56.
22. ОФОПО ГАПО. – Ф. П. 36. – Оп. 1. – Д. 962.
23. Панин С. Е. Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии): Дисс. канд. ист. наук / С. Е. Панин. – Пенза, 2002.
24. Пролетарский путь. – 1924. – 16 мая.
25. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 87. – Д. 195.
26. СОГАСПИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1013.
27. Средневолжская Коммуна. – 1929. – 7 мая.
28. Статистический ежегодник Нижегородской губернии 1925–1926 гг. – Н. Новгород, 1928. – Вып.1.
29. Статистический ежегодник Нижегородской губернии. – Новгород, 1924.

30. Стеблев Э. А. Экономика российской повседневности / Э. А. Стеблева // Российская повседневность, 1921–1941 гг.: Новые подходы. – М., 1995.
31. Такала И. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России / И. Такала. – СПб., 2002.
32. Трезвость и культура. – 1928. – № 3.
33. Трудовая правда. – 1925. – 4 января.
34. Трудовая правда. – 1928. – 16 июня.
35. ЦГАСО. – Ф. Р. 779. – Оп. 2. – Д. 2006.
36. ЦГАСО. – Ф. Р. 857. – Оп. 6. – Д. 106.
37. ЦДНИ СО. – Ф. 27. – Оп. 4. – Д. 40.

УДК 378(091)

Бюджеты времени как индикатор студенческой повседневности в советской России 1920-х годов

Рожков А. Ю.

Рожков А. Ю. Бюджеты часу як індикатор студентської повсякденності в радянській Росії 1920-х років. В статті досліджуються бюджети часу студентів радянських вищих навчальних закладів і технікумів у 1920-ті рр. як індикатор їхнього повсякденного життя. Представлені автором матеріали дозволяють судити про кількість часу, який витрачається щоденно студентом на навчання, суспільно-політичну роботу, додаткову працю і самообслуговування, господарсько-економічну зайнятість, дозволяють тощо. Автор статті прийшов до висновку, що у студентів 1920-х рр. спостерігалась велике сукупне перевантаження і невміння раціонально розподілити свій час. Це негативно відбилося на якості їхньої успішності і станові здоров'я.

Ключові слова: бюджет часу, студенти, повсякденність, 1920-ті

Рожков А. Ю. Бюджеты времени как индикатор студенческой повседневности в советской России 1920-х годов. В статье исследуются бюджеты времени студентов советских вузов и техникумов в 1920-е гг. как индикатор их повседневной жизни. Представленные автором материалы позволяют судить о количестве времени, затрачиваемом ежедневно студентом на учебу, общественно-политическую работу, вспомогательный труд и самообслуживание, хозяйственно-экономическую занятость, досуг и

т. д. Автор статьи пришел к выводу, что у студентов 1920-х гг. наблюдалась большая совокупная перегрузка и неумение рационально распределить своё время. Это негативно отражалось на качестве их успеваемости и состоянии здоровья.

Ключевые слова: бюджет времени, студенты, повседневность, 1920-е

Rozhkov A. Y. Time Budget as an Indicator of Students' Everyday Life in Soviet Russia of the 1920 s. This article discusses time-budgets of students of the Soviet institutions of higher and technical education in 1920's as an indicator of their everyday life. The sources researched by author shows the daily quantity of time devoted by a student to their studies, public and political work, auxiliary activities and self-service, business, and leisure. The author of the article comes to a conclusion that students of 1920's had substantial cumulative overload and they were not able to distribute their time rationally. It negatively influenced their studies and health.

The keywords: time-budget, students, everyday-life, 1920 s.

Исследования бюджетов времени* – оригинальное научно-прикладное направление социолого-статистических исследований, развивающееся с 1920-х гг. [16, с. 112]. По мнению специалистов, впервые в отечественной литературе термин «бюджет времени» появился в работе П. А. Сорокина «Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп», опубликованной в Петрограде в 1921 г. Сорокин использовал его в двух основных современных смыслах. Во-первых, как метод получения количественной информации о повседневной деятельности, о затратах времени на те или иные виды деятельности, занятия («*бюджет суток*») с отметкой о «регулярности и нерегулярности» занятий. Во-вторых, как форму представления фактических данных об использовании временного пространства (фонда времени) на основные занятия, или, наоборот, как совокупность занятий, измеренных временем – собственно «*бюджет времени*» [4, с. 147].

Основное направление исследований бюджетов времени в 1920-е гг. связано с именем С. Г. Струмилина, первым в мире проводившим достаточно крупные обследования бюджетов времени среди рабочих и крестьян в советской России. Общей задачей этих обследований являлось изучение изменений в образе жизни – по сравнению с

* В Большой советской энциклопедии бюджет времени населения определяется как «система показателей, характеризующая распределение затрат времени (суток, недели, месяца, года) по видам его использования как отдельного работника (рабочего, колхозника, служащего и др.) и его семьи, так и определенной группы населения. Изучается путём проведения особых обследований, в процессе которых за определенный промежуток времени и в соответствии с принятой классификацией учитываются затраты времени (в ч, мин и затем в % к соответствующему фонду времени)» [6].